

## Глава 34. Божественная академия 10

\*\*\*

Бай Тун покосился на Вэнь Цина и негромко рассмеялся:

— Ты всё верно понял. Очень сообразительно.

Он похвалил его искренне, и юноша невольно густо покраснел. Его давно никто так не хвалил. Это чувство напомнило Вэнь Цину школьные годы, когда удавалось правильно решить задачу и получить одобрение от первого ученика в классе.

Впрочем, главная заслуга была за «учителем».

— Это потому, что ты дал мне зацепку, — смущенно пробормотал он. Без подсказки Бай Туна он бы ни за что не догадался.

В глубине души Вэнь Цин полагал, что свою роль сыграл и временный бафф, даровавший ему необычайную ясность ума.

Ли Цзинцзин прыснула со смеху:

— Хватит тебе скромничать. У тебя отличная реакция, для новичка — просто блеск. Большинство новобранцев слепо верят системным подсказкам и не ищут в них подвоха.

Вэнь Цин застенчиво улыбнулся и едва слышно добавил:

— Просто в прошлом подземелье Система меня знатно подставила. Один раз обжегся — на всю жизнь запомнил.

Ли Цзинцзин замерла, в её глазах проснулось любопытство:

— В твоём первом мире Главная Система вела себя так же?

Юноша кивнул:

— Почти. Намеренно вводила игроков в заблуждение.

Девушка не стала расспрашивать о деталях, лишь сокрушенно покачала головой:

— Да уж, нелегко тебе пришлось, раз ты всё-таки выжил. Я прошла уже немало миров, и обычно Система дает вполне адекватные вводные. С таким откровенным враньем с самого начала я сталкиваюсь впервые.

Вэнь Цин опешил. Он-то думал, что таков стандартный порядок вещей. Неужели он просто притягивает к себе неудачи?

— Паршивая Система, — выругалась Ли Цзинцзин. — Значит, она с самого порога пудрила нам мозги.

Она перевела взгляд на Бай Туна и, окинув его оценивающим взглядом, спросила:

— А ты, выходит, с самого начала догадывался, в чем секрет школьных правил?

Тот не стал отпираться:

— Не то чтобы догадывался, скорее — сомневался. В истории школы о правилах нет ни слова. Это значит, что они не были установлены основателями, а появились позже. И тут Система навязчиво напоминает, что мы обязаны за ними следить. Это сразу показалось мне подозрительным. А потом...

Он замолчал, глядя на мирно спящего в ванной Чжан Чэнжуня, и проглотил окончание фразы.

«А потом кто-то любезно вызвался стать подопытным»

Бай Тун опустил веки и негромко напомнил им обоим:

— Мы — игроки. Система — нечто иное. Она создает эту игру и управляет ею.

Эти слова прозвучали очень осторожно, но Вэнь Цин всё понял. Система и игроки — по разные стороны баррикад. Если игроки — это стадо овец, то Система — мясник с заточенным ножом.

Юноша невольно задумался.

«А что насчет личной системы, прикрепленной к каждому? Помощник это или надсмотрщик?»

От этой мысли по спине пробежал холодок, и он поспешно оборвал свои размышления.

«Система 001 наверняка знает, о чем я думаю»

Бай Тун заметил его замешательство и с улыбкой спросил:

— У тебя есть еще какие-то соображения?

Вэнь Цин поднял глаза. Неужели он упустил еще какой-то важный факт? Немного подумав, он решил поделиться анализом поведения товарищей:

— Чэнь Цян и Чжан Чэнжунь выглядят так, будто им промыли мозги. Но состояние Чэнь Цяна гораздо хуже.

Тот нарушил на одно правило больше и пробыл в карцере на шесть часов дольше.

Вэнь Цин часто заморгал:

— Выходит, чем дольше находишься в комнате для наказаний, тем опаснее это для рассудка?

Бай Тун удовлетворенно хмыкнул.

— Господин учитель, — поторопила его Ли Цзинцин. — Уже шесть часов вечера. До комендантского часа остался всего час. Если есть что добавить — выкладывай быстрее.

Бай Тун откашлялся:

— За нарушение правил полагается ровно шесть часов карцера.

«Целых шесть часов, — Вэнь Цин нахмурился, его охватила тревога. — А за это время ничего страшного не случится?»

— Шесть часов — срок не критический, — принялся рассуждать Бай Тун. — Для игрока это должно быть относительно безопасно. С другой стороны, здешняя вода помогает сохранять рассудок.

Вэнь Цин словно озарило: так вот зачем Оз поливал Чжан Чэнжуна из душа! Вода была ключом.

— Главная сложность не в самом наказании, — Бай Тун помедлил, подбирая слова. — Труднее всего преодолеть неизвестность и страх. Хватит ли у нас смелости намеренно пойти на нарушение?

Неизвестность — самый страшный кошмар. Даже зная, что в карцере их ждут галлюцинации, никто не мог предсказать, какими именно они будут и удастся ли их вынести.

— Ох, — лицо Ли Цзинцзин осунулось. — У меня длинный список того, чего я боюсь.

Вэнь Цин почувствовал, как перед глазами потемнело.

— У... у меня тоже, — заикаясь, выговорил он.

Люди? Чжоу Чжоу, Цзи Юй... События? Он боялся боли и смерти. А еще существа: змеи, насекомые, крысы... Список был бесконечным.

— Всегда можно помолиться Богу, — попытался утешить его Бай Тун.

Юноша лишь невнятно промычал в ответ, чувствуя, как к горлу подступают слезы. Этого самого Бога он боялся едва ли не больше всего. Что, если за маской действительно скрывается Юй Син?

До комендантского часа оставался час. Троица перетащила спящего Чжан Чэнжуня на кровать, наспех передела его в сухое и покинула общежитие. В это время толпы студентов, напротив, возвращались к себе. Трое игроков, идущих против течения, привлекали к себе немало внимания.

Цзян Цзин, встретившаяся им на пути, хитро прищурилась и съязвила:

— Сейчас время поста и молитв, ребята. Смотрите, за игры на свежем воздухе можно и в карцер загреметь.

Вэнь Цин промолчал. Бай Тун бросил на ходу:

— Мы в библиотеку.

Цзян Цзин фыркнула:

— Да бросьте. Библиотека сегодня закрыта.

Ей, впрочем, было всё равно. Бросив еще пару колкостей, она скрылась в здании общежития.

Вэнь Цин посмотрел на массивные запертые двери библиотеки:

— Мы всё равно идем туда?

Бай Тун покачал головой и прошептал:

— Нет. В учительскую. Там могут быть дела отчисленных студентов.

Идти по главной аллее было слишком рискованно, поэтому они двинулись в обход, по узкой тропинке за зданиями. Едва они поравнялись с тыльной стороной учебного корпуса, как в окне над лестничным пролетом показались две знакомые фигуры: учителя Чэнь и Сунь.

Вэнь Цин замер. Окно было огромным, а учителя стояли высоко — они не могли не заметить троицу внизу. Юноша лихорадочно соображал, как оправдать их присутствие здесь в такой час, но учителя вели себя странно. Они даже не повернули голов. Прямые, словно палки, они спускались со второго этажа на первый с абсолютно пустыми лицами. На их лицах не было ни единой эмоции; они напоминали роботов, у которых вот-вот иссякнет заряд, что выглядело крайне жутко и неестественно.

Бай Тун тоже заметил это и нахмурился. Дождавшись, пока педагоги скроются из виду, он скомандовал:

— Поднимаемся.

В учебном корпусе царил мертвая тишина. Вэнь Цин отчетливо слышал дыхание своих спутников. Он старался не шуметь и на цыпочках следовал за Бай Туном. Учительская находилась на втором этаже. Глядя в конец темного коридора, юноша не видел ни одного огонька.

Бай Тун первым подошел к двери и, убедившись, что внутри никого нет, подал знак остальным. Ли Цзинцзин толкнула дверь, и та со скрипом приоткрылась.

— Не заперто? — удивилась она.

Бай Тун осмотрел замок и поджал губы:

— Кто-то побывал здесь до нас.

Вэнь Цин оторопел. С того момента, как они проводили учителей взглядом, прошло не более десяти минут. И они не видели, чтобы кто-то выходил из здания. Кто мог действовать так быстро? В голове всплыло имя Оза, но сейчас это было неважно.

Офис был пуст. Ли Цзинцзин вызвалась постоять на шухере у двери:

— Вэнь Цин, ты здесь уже был. Ищите вдвоем, а я прикрою.

Юноша кивнул и быстро подошел к столу учителя Чэня.

— Это его место, — шепнул он Бай Туну.

Они принялись обыскивать ящики, но те оказались абсолютно пустыми. Ни книг, ни тетрадей, ни единой бумажки. Словно за этим столом никто и никогда не работал. Вэнь Цин в растерянности оглядел столешницу: ручки, стопки бумаги — на вид всё казалось совершенно обычным.

Бай Тун проверил соседний стол — тот же результат. Вся учительская была лишь декорацией. Безупречный внешний вид скрывал пустоту, точно так же, как старые ежегодники в библиотеке.

Внезапно в тишине школьного двора раздалась короткая мелодия. Часы на стене офиса мерно отсчитывали секунды, пока стрелка не замерла на цифре семь. Семь вечера. Комендантский час начался.

Бай Тун задвинул ящики:

— Уходим. Это место — фикция.

Вэнь Цин согласно кивнул. Ли Цзинцзин встретила их недоуменным взглядом:

— Так быстро? Нашли что-нибудь?

Бай Тун покачал головой:

— Глухо. Спускаемся.

Теперь их главной задачей было попасться на глаза учителям и нарушить третье правило школы. Вэнь Цин глубоко вздохнул и, расправив плечи, вышел наружу.

Ночь в Божественной академии была непроглядной. Ни луны, ни звезд — только вязкая, мертвая чернота. Все здания стояли погруженными во тьму, и лишь корпус Великого жреца сиял огнями, оставаясь единственным источником света во всем кампусе.

Трое игроков обменялись взглядами и, не сговариваясь, двинулись к свету. Вокруг было тихо, лишь ветер едва слышно шелестел листвой. Бай Тун прищурился и вдруг позвал:

— Вэнь Цин.

Он говорил обычным голосом, который в этой тишине прозвучал подобно грому. Юноша вздрогнул и растерянно обернулся. Бай Тун нахмурился:

— Мы ведем себя вызывающе шумно, но ни один учитель до сих пор не появился.

Ли Цзинцзин, озираясь по сторонам, пробормотала:

— Странно. Чжан Чэнжуня и Чэнь Цяна сцапали в один миг. Почему нас игнорируют?

«Неужели ночью правила работают иначе?»

Вэнь Цин растерялся:

— Нам что, самим звать учителей?

— Подойдем поближе к входу, — решил Бай Тун.

Вэнь Цин шел рядом с Ли Цзинцзин по краю тропинки. Едва они свернули к корпусу жреца, как из тени внезапно высунулась рука. Она плотно зажала ему рот и прижала юношу к стволу дерева.

Вэнь Цин широко распахнул глаза и встретился с пронзительным взглядом зеленых глаз. Оз опустил веки и, скользнув правой рукой к его талии, чувствительно ущипнул мягкую кожу. Его ладонь была ледяной. Вэнь Цин невольно издал сдавленный стон. В следующую секунду он почувствовал, как по его спине что-то ползет. Тонкое, длинное, влажное... Похожее на змею. Похожее на лозу.

Внезапно в тишине раздался холодный, бесстрастный голос:

— Чем это вы здесь занимаетесь?

Учитель Чэнь стоял рядом, без тени эмоций глядя на Оза. Вэнь Цин вздрогнул, потрясенно глядя на педагога. Секунду назад здесь никого не было. Откуда он взялся?

Оз лениво приподнял веки и небрежно бросил:

— У нас тайная интрижка.

«...?!» — Вэнь Цин замер в глубоком шоке.

\*\*\*

При словах Оза лицо учителя Чэня едва заметно дернулось. Свет от корпуса жреца падал на

него сбоку, и Вэнь Цин отчетливо увидел, как под кожей учителя — от скулы к виску — прошла странная пульсация, словно там перекатился жгут мышц или нечто иное.

Пока учитель молчал, рука Оза, закрывавшая рот юноши, плавно переместилась на его плечо. Приняв вид небрежной близости, иностранец отчетливо повторил:

— У нас тайное свидание.

Вэнь Цин открыл рот, помедлил, но опровергать не стал. Оз наверняка тоже догадался об истинном смысле школьных правил и искал повод для наказания. Юноше этот предлог тоже подходил, поэтому он просто кивнул.

Учитель Чэнь смерил Оза ледяным взглядом. Тот оставался невозмутим: он лишь чуть вздернул подбородок и добавил:

— Здесь... острее ощущения.

«...» — Вэнь Цин не нашел слов.

Лицо учителя потемнело еще сильнее. Он повернулся к застывшим поодаль Бай Туна и Ли Цзинцзин. Бай Тун сообразил, в чем дело, как только понял, что Вэнь Цин отстал. Обернувшись, он увидел, что его друга прижали к дереву. Он успел сделать лишь шаг, когда учитель Чэнь бесшумно соткался из тьмы.

Взор педагога медленно переместился с Бай Туна на Ли Цзинцзин.

— Вы тоже пришли за «острыми ощущениями»? — угрюмо спросил он.

Бай Тун посмотрел на Оза и холодно усмехнулся:

— Нет. Мы пришли поймать их с поличным.

«...» — Вэнь Цин почувствовал, как краснеет еще сильнее.

Ли Цзинцзин, переводя взгляд с одного на другого, быстро поддакнула:

— Именно так.

Учитель Чэнь замер на границе света и тени.

— Оз, Бай Тун, Ли Цзинцзин, Вэнь Цин. Все четверо нарушили третье правило школы. Шесть часов карцера каждому.

Едва он договорил, как из дверей корпуса Великого жреца вышли несколько человек в черном. Вэнь Цин опасливо покосился на их руки — они были пусты. Привалившись к дереву, он осторожно обратился к учителю:

— Я... я сам могу пойти.

Тот мазнул по нему взглядом и коротко бросил:

— Увести.

Юноша украдкой рассматривал конвоиров. В этот раз ему удалось разглядеть их лица. Все они были на одно лицо, словно сошли с одного конвейера: лишенные эмоций маски, послушные марионетки. В их облике было нечто общее с тем странным выражением, которое он видел у учителей Чэня и Суня этим вечером.

Вэнь Цин так увлекся изучением провожатых, что не заметил, как изменился взгляд учителя Чэня. Когда тот смотрел на юношу, его суровость необъяснимым образом смягчалась.

Оз, заметивший эту перемену, с интересом воззрился на Вэнь Цина.

\*\*\*

Карцеры располагались не где-нибудь, а в подвале корпуса Великого жреца. Спустившись по лестнице, игроки наткнулись на двухметровую статую у входа. Она была точной копией той, что стояла в Храме: закрытые глаза, идеальная нагота. Вэнь Цин отвел взгляд, стараясь казаться как можно незаметнее.

Миновав изваяние, группа разделилась. Вэнь Цина и Оза повели в одну сторону, Бай Туна и Ли Цзинцзин — в другую. Юноша на миг замешкался, провожая друзей взглядом, но конвоир в черном мгновенно вырос перед ним, преграждая обзор пустым взором. Вэнь Цин поспешно отвернулся и пошел дальше.

Внезапно Оз заговорил:

— Какой артефакт ты на них использовал?

Вэнь Цин опешил. Он невольно глянул на рослых провожатых — те даже не моргнули, словно были обычными инструментами.

— Ну? — поторопил Оз.

Вэнь Цин покачал головой:

— Никакого.

Иностранец внимательно посмотрел на него. Тусклый свет ламп падал на мягкие волосы юноши, создавая вокруг его головы легкий ореол. Его изящные черты в этом полумраке казались написанными маслом на старинном полотне.

— Они относятся к тебе иначе, — констатировал Оз.

Вэнь Цин опустил голову, думая про себя: «Всё это из-за того случая в день поступления». А может, из-за встречи с Юй Сином в прошлом мире? Как бы то ни было...

— Мне просто не везет, — поджал губы юноша.

Оз продолжал изучать его профиль. Вэнь Цин был красив, но он видел людей и красивее, и слабее его. Однако ни в ком не было этого странного сочетания хрупкости и стойкости, жалости и очарования. Он казался нежным цветком, который, тем не менее, казался необычайно выносливым. Оз чувствовал к нему необъяснимое влечение, какого не испытывал годами.

Он облизал губы и снова спросил:

— А на меня? Что ты использовал на меня?

Вэнь Цин посмотрел на него с недоумением:

— Ничего.

Решив, что иностранец просто не понимает смысла слов, он добавил:

— Я имею в виду, что у меня вообще нет артефактов. Совсем.

Оз полуприкрыл глаза:

— От тебя очень вкусно пахнет.

«...?!» — Вэнь Цин был ошарашен.

Он молча отодвинулся подальше и, заикаясь, пробормотал:

— У... у нас просто одинаковый гель для душа.

Немного подумав, он добавил:

— От тебя... тоже пахнет.

Оз вдохнул едва уловимый сладковатый аромат и негромко произнес:

— Это запах твоего тела.

Он внезапно поднес к лицу правую ладонь и медленно вдохнул:

— Моя рука теперь пахнет тобой.

В этом простом жесте было столько неприкрытого вожделения, что Вэнь Цину стало жарко. Его щеки вспыхнули, он в ужасе уставился на иностранца:

— Ты... ты...

Оз прикрыл веки, его ноздри чуть затрепетали:

— Сладкий аромат. На вкус... должно быть, еще лучше.

Вэнь Цин лишился дара речи. Этот иностранец был совершенно лишен стыда! Он резко отвернулся, делая вид, что ничего не слышит. Весь оставшийся путь прошел в молчании.

Когда один из конвоиров остановился и распахнул тяжелую железную дверь, приглашая его войти, Вэнь Цин мельком глянул на Оза. Тот смотрел на него изумрудными глазами, точно хищник, затаившийся в засаде. Почуввав неладное, юноша поспешно юркнул в карцер и сам запер за собой дверь.

Как только замок щелкнул, сердце Вэнь Цина пустилось вскачь. Его охватил первобытный страх. Он был в комнате для наказаний. Немного успокоившись, он огляделся. Помещение было крошечным и давящим: три голые стены, ни окна, ни мебели. На полу одиноко лежала желтая книжица. Всё выглядело точь-в-точь как в фильмах про тюрьму. Единственной связью с внешним миром была узкая щель под дверью, сквозь которую проникал слабый свет из коридора.

Вэнь Цин сполз по стене на пол. Ему нужно было за что-то держаться, и он крепко вцепился в

«Евангелие от Желания». Звукоизоляция была идеальной. В этой глухой темноте мысли невольно возвращались к кошмарам. Змеи, пауки, тараканы, многоножки... Юноша вздрогнул.

— С... Система? — заикаясь, позвал он. — Ты здесь?

[Да] — холодно отозвалась 001.

Вэнь Цин закрыл глаза и облегченно выдохнул. Он не один.

[Ты один]

[Я — не человек]

— Можешь... поговорить со мной? — тихо спросил юноша.

[О чем?]

— О чем угодно, — прошептал он. — Просто говори, а я буду слушать.

От долгого пребывания в тишине у него заложило уши; ему начало казаться, что он слышит шорох лапок насекомых по полу. Система 001 помолчала, а затем выдала:

[Спи]

Вэнь Цин вздохнул:

— Я не могу уснуть. Мне страшно... Здесь ведь должно что-то появиться. А вдруг за эти шесть часов здесь перебивают все мои кошмары по очереди?

Слова застряли в горле — он внезапно сладко зевнул. Его охватила странная, тяжелая дремота, похожая на действие сильного снотворного. Веки налились свинцом и медленно сомкнулись.

Он уснул, но сознание не покинуло его до конца. Тело стало неподъемным, а мысли — вязкими. В тишине подвала раздался тихий шорох. Звук приближался. Что-то мягко ударило в железную дверь и начало просачиваться сквозь щель снизу.

Сквозь марево сна он почувствовал мертвенный холод на лодыжке. Нечто мокрое и липкое обвилось вокруг его ноги. Раз, другой... С него стащили туфли, затем — носки. Ледяное, влажное прикосновение прошло по стопе, коснулось пальцев и центра подошвы, оставляя за собой липкий след.

Ступню пронзило смесью щекотки и онемения. Вэнь Цин слабо затрепетал, в горле заклокотал стон. Он попытался отдернуть ногу, но тело не слушалось — у него не было сил даже открыть глаза.

Прошло немало времени. Сущность, словно наигравшись с его стопами, начала медленно подниматься выше. На этот раз она не была столь сдержанной, как в Храме: холодные отростки с легкостью расстегнули ширинку его брюк. Тело юноши содрогнулось, рубашка задралась, обнажая бледную талию.

Внезапно другой тонкий отросток мазнул его по щеке и начал настойчиво тереть губы. Когда они стали влажными и припухли, нечто скользнуло ниже, обернулось вокруг кадыка и поползло к груди, одну за другой расстегивая пуговицы. Ресницы Вэнь Цина дрожали, из-под закрытых век потекли слезы.

«Нет... уйди...»

Его пальцы судорожно дернулись и нащупали на полу книгу. В тумане сознания всплыли образы: Юй Син, Бог...

«Молитва... молитва...»

«О мой Бог, смилуйся надо мной...»

Рассудок мутился. Вэнь Цин уже не понимал, какие слова произносит про себя, когда снаружи раздался грохот, будто на пол рухнуло нечто тяжелое. Затем послышались размеренные шаги.

Тяжелые, гулкие.

Словно шел монстр или рыцарь в полных доспехах. Щелкнул замок, и дверь карцера распахнулась. Холодная рука начала уверенно отстранять липкие стебли, опутавшие тело юноши.

Вэнь Цин плотно сжал губы; его ресницы, мокрые от слез, жалко подрагивали. Мужчина посмотрел на него и насмешливо бросил:

— Какое жалкое зрелище.

В следующую секунду Вэнь Цин почувствовал на своей груди чужую ладонь, которая принялась бесцеремонно сжимать и тискать его нежную кожу.